Игорь Микрюков

18+

Раздевалка

Мастера прозы

Игорь Микрюков

Раздевалка

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Микрюков И.

Раздевалка / И. Микрюков — «Эксмо», 2026 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-258811-2

Добро пожаловать в мир людей, попавших в яркий свет софитов иронии автора! Сборник называется «Раздевалка». Без прикрас автор обнажает, раскрывает своих героев. Иногда с неожиданной, бывает, и некрасивой стороны. Но это жизнь! Так что без обид! Часть рассказов об известных и даже очень известных персонах, артистах, продюсерах. Причем не только российских! Под этой обложкой вы найдете семьдесят рассказов о нашей с вами жизни, о жизни соседей, обычных людей со своими достоинствами и недостатками. Автор очень хорошо знаком с изнанкой происходящих в артистическом и эстрадном мире процессов. Это живые забавные картинки не со стороны, а изнутри, из самой сокровенной сердцевинки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-258811-2

© Микрюков И., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

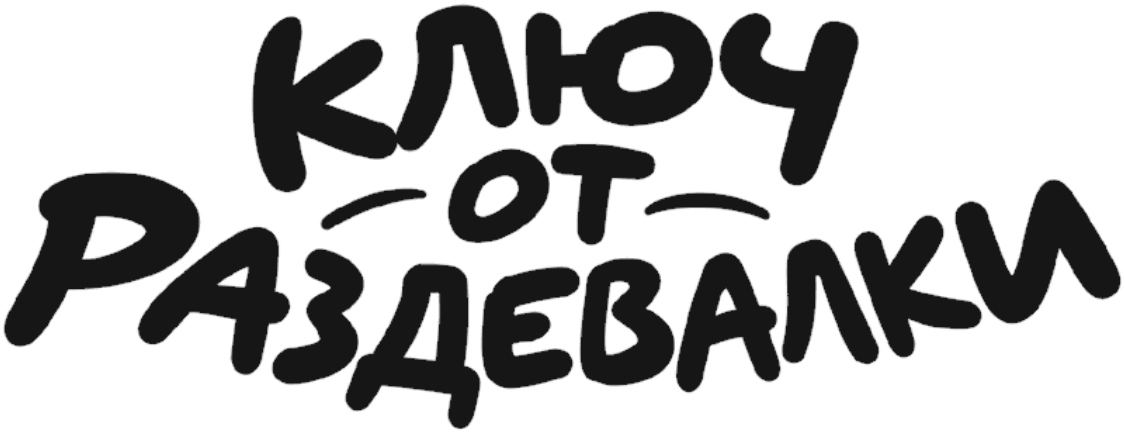
Ключ от раздевалки 6
1. Глафирино счастье 9
2. Зёрнышко жизни 15
3. Платить по счетам 16
4. Будни художника звука 23
5. Контрабандист 26
6. Первые опыты 29
7. Какая ты, Алла? 31
8. Какая ты, Алла? 36
9. Какая ты, Алла? 38
10. Это любовь, детка! 40
11. Дашенькина доченька 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Игорь Микрюков
Раздевалка
(Сборник юмористических рассказов)

© Игорь Микрюков, текст, 2026
© Анна Микрюкова, иллюстрации, 2026
© Оксана Микрюкова, фотографии, 2026
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Ключ от раздевалки
От автора

«А почему эта книга называется „Раздевалка“?» – спросит мой дорогой читатель. В этом выпуске я собрал рассказы, написанные в разные годы и в разных условиях. Главное, чем хотелось с вами в них поделиться, – показать, запечатлеть человека в неожиданной для него ситуации. При стечении необычных обстоятельств. Нам всегда очень хочется знать, как живут люди, наши ближние соседи или жители другого, совсем далекого города. Увы, но признаемся честно, хотя бы себе.

С одной стороны, нам часто интересна чужая жизнь для сравнения со своей. Чтобы убедиться, что у тебя самого все в порядке и всё лучше, чем у семьи за стенкой. Такова сущность человека, не буду вспоминать по случаю поговорку про радость от безвременно ушедшей на небо соседской коровы. Вы же её и сами отлично знаете.

Или же народный читатель жадно перелистывает глянцевые журналы, представляя себя на месте этих красавиц и красавцев, в смокингах и фраках, густо обмызганных «Шанель», и с «Ролекс» на изящных или мужественных руках – наших и иностранных селебрити.

Неистово мечтая о такой же шикарной жизни, представляя себя то в «роллс-ройсе» из вчерашнего журнала «Семь дней», то вот в этом, с картинки, розовом «бентли», растянувшемся на целый разворот из сегодняшнего выпуска жареных новостей!

У всех свои жизни, свои радости и печали. Ещё неизвестно, кому в реальности лучше. Тому, кто трезво оценивает себя и свою жизнь, или забравшемуся в чужой вагон со страхом, что кто-то узнает – а билета ведь у тебя нет! Чем выше залез, тем больнее падать. Эта простая истина, как правило, доходит уже в момент падения.

Рассказы в книге можно условно поделить на две части: из жизни простых, обычных людей и некоторых довольно известных медийных персон. Уверен, в какой-то момент вы обнаружите, что все живут примерно одинаково – едят, спят, работают. Любят и ненавидят, мечтают и разочаровываются. Когда писатель готовит очередную книгу к изданию, обычно существует либо повод, либо посвящение кому-то. Для этой книги я нашёл и то и другое одновременно. Я посвящаю эту книгу моей любимой семье, которая сумела достойно и без роптания вместе со мной перенести многие события, описанные в рассказах этой книги. И повод, конечно, есть тоже – магическое сегодня для меня число 70. Ровно столько миниатюр вы найдёте под этой обложкой.

Добро пожаловать в мир, в котором мы живём. Почему-то мне думается, среди описанных мной персонажей вы наверняка обнаружите и вам хорошо знакомых. Или… очень похо-

жих на них. Стоящих совсем близко от вас. Внезапно, как в раздевалке, часто в нелепой позе, оказавшихся под светом нашей писательской лампы.

Итак, начинайте читать. В добрый путь!

1. Глафирино счастье

С самого детства Глафира была неказиста фигурой и нехороша на лицо. И если фигурка у маленькой девчушки поначалу не вызывала открытой неприязни окружающих, то с личиком все было намного хуже. Нечистое от оспин, в многочисленных прыщах и разноцветных бородавках, оно с самого детства обрекло Глашку на постоянно демонстрируемую брезгливость к ней даже самых близких родственников.

– Эх-эх, – горестно вздыхала родная бабуля. – Оно, конечно, с лица воду не пить, но слишком уж Боженька тебя отметил.

И тут же, отвернувшись, приговаривала себе под нос вполголоса:

– Угораздило же тебя, внучка, такой уродиной на свет появиться!

И, горестно поджав губы, уходила вглубь избы.

С малых лет в Глашкину голову намертво вмёрзли бабушкины слова, когда та в разговорах с кем-то приговаривала: «Страшна, как смертный грех. И ничего хорошего в жизни ей не светит». Соседские ребятишки, пробегая мимо, громко и задорно обзывали её: «Глашка-какашка». В какой-то момент она даже свыклась с унизительным прозвищем и стала изредка откликаться на грязную кличку.

В довесок к нездоровой и отталкивающей внешности Глафира имела изрядно паскудный характер. Он проявлялся во всем. Она с наслаждением давила растоптанными, доставшимися от соседской девчонки, сандаликами жуков и червячков, с размаху футболила кривоватой, но цепкой ногой зазевавшихся лягушат в грязных придорожных лужах. Гоняла палкой недавно родившихся у кошки Мани ещё полуслепых котят.

И её лупцевали все, по поводу и без повода. Просто под руку попадалась и тут же получала леща. Её было за что не любить. И её не любили. Глашка отвечала искренней взаимностью.

Бывает так, что детки, подрастая, преображаются. И часто бывший гадкий утёнок становится прекрасным лебедем. Но, увы, не в нашем случае. С Глафирой всё стало назло природе и наоборот. Маленькая пакостница выросла в большую карикатурно уродливую отмороженную стерву. Которая к тому же умела ловко притворяться.

Маленькими грязно-серыми глазками-буравчиками, исподтишка выглядывающими из-под неровных белесых бровей и неопрятных засаленных волос, Глафира умудрялась изобразить такую хитрую физиономию! Умудрялась умело придавать ей иногда елейно-просительное, иногда сиротское, скорбное и умоляющее выражение.

Любимым занятием Глашки было наушничать, сплетничать и стравливать людей меж собой, а затем наслаждаться со стороны чужой ссорой. Она быстро скумекала, как буквально двумя-тремя словами даже из самых близких друзей можно сделать лютых врагов. И скоро в её деревне не осталось ни одной семьи, которая не переплелась бы дрязгами с другими.

Трудно поверить в то, что одна низкозадая и коротконогая оторва сумела поставить на уши целую деревню на сто с лишним домов. Но даже такое немаленькое поселение вскорости стало тесноватым Глафирке для плетения интриг. Уже не хватало ни людей, ни материала для зарождения новых раздоров. Это и явилось первой причиной, по которой наша склочница и сплетница однажды надумала всё бросить и пуститься в дорогу.

Шло время, даже тугие на размышления односельчане стали прикладывать одно к другому и сопоставлять конфликты и их основу. Всё чаще и чаще бабы, шушукаясь у водоразборной колонки или у чудом сохранившегося деревенского сельпо, в своих пересудах выходили на первопричину своих свар. И уже не один палец уверенно показывал на истинную закоперщицу скандалов – на хитрющую и противную Глашку.

Вот так возникла и крепко припекла Глафиру вторая причина. Из-за них, этих обеих причин, как-то ранним погожим летним утром, собрав в узел небогатые пожитки и накоплен-

ные за несколько лет невеликие деньги, забралась девка в старый «Пазик», таскавший деревенских аж за шестьдесят километров до райцентра. И покатилась в далёкие дали от неминуемой народной мести, до которой оставалось уже вот-вот.

Без радости и нежных чувств кинула напоследок девка свой недобрый взгляд сквозь мутноватое автобусное стекло на стоявшие рядками на косогоре дома малой родины. Уехала и уехала. Забыли! Как написал когда-то великий русский поэт в одном из своих стихотворений, «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

Впереди новая жизнь, новые свершения. Удачи, победы, а может, и великие достижения. Такую она поставила перед собой задачу и заранее решила, что идти по жизни будет любым путем, любой дорогой. Лишь бы она привела к нужной цели. А цель свою она уж найдёт, будьте уверены!

* * *

Раздумывая иногда о своей натуре, истоках своего дремучего животного пакостничества, Глафира ни на секунду не допускала собственной вины в том, какой она стала. Свыкшись поневоле со своей внешностью, даже соглашаясь с тем, что и характер у неё мерзейший, женщина во всем обвиняла сложившуюся жизнь и обстоятельства. А в ответ на справедливые замечания и укоры очередных временных соседей валила свои проявления на жизненные обстоятельства.

Одним из любимых её оправданий был тягучий и заунывный рассказ о том, что зачали её родители недалеко от ядерного полигона в Семипалатинске. Вот оттуда и все печали. Что родный папка Иван был облучён в результате аварии, что жили они поначалу в глухомани недалеко от закрытого поселения Минобороны страны города Арзамаса. И что в той деревне все такие, есть даже ещё хуже. Люди, услышав страшные рассказы о столь пагубном воздействии радиации, верили. Отчего же не верить? Вот оно, исчадие ада – результат губительного гамма-излучения, прямо перед глазами!

Можно было бы долго и очень подробно рассказывать о непростом жизненном пути нашей Глафиры Иванны. У любого порядочного и совестливого гражданина встали б дыбом волосы от знакомства с некоторыми фактами из биографии нашей охотницы за счастьем. Но нет, не буду! Оставлю в тени её «подвиги», тем более что подвигами их сможет назвать только мающийся психическим нездоровьем человек.

Познакомлю вас сразу с тем этапом жизни героини нашего повествования, когда она, уже после подрабатывания на износ разными частями своего дебелого тела, смогла обосноваться аж в столице. Сначала сняв комнатёнку в коммуналке, а затем и сумев её выкупить у конченого пьянчужки.

В этот стоп-кадр своей тернистой жизни Глашка вошла фактически без потерь, но с некоторыми декоративными поправками. Она вполне разумно решила ловко избавиться от наследия прошлого.

Во-первых, как было сказано выше, гражданка не чуралась любых заработков. На многотысячекилометровых трассах необъятной России дальнобойщики будут долго вспоминать безотказную труженицу, умевшую за ночь порадовать до десятка экипажей на одной только стоянке. И даже невзначай родившую от проезжего ухаря розовощёкого, вполне здорового для такого неровного образа жизни мальчугана.

Проезжий оказался на удивление вполне приличным мужиком. И подарил Глашке не только потомство, но и появившемуся отпрыску свою, правда не шибко звучную, фамилию Собачкин. Зачем ей это было нужно, никто из знакомых так и не понял. С другой стороны, её собственная фамилия была не краше – Бочкина. Поэтому некоторая логика в решении просматривалась. Пусть хоть у пацана начнётся жизнь с другой буквы, решила новоиспеченная

мамаша. Но вот что она провернула, когда переехала с трассы в Москву, так это сменила давно ненавистное ей имя. Зачем? Об этом отдельный разговор.

Подбирала тщательно, мучаясь в поисках затаённого смысла. И окончательный вариант был подсказан одной товаркой из знакомых «плечевых». В их трудовом женском коллективе она считалась философической дамой, и под любое событие старалась подвести пространные плетёные размышления и глубокое обоснование.

– Послушай, – как-то нашептала она Глашке на бивуаке с дальнобоями. – Мы с тобой кто? Сама ж знаешь. Из жизни этот факт не вычеркнешь. Но посмеяться про себя над ним можно.

– А как?

– Очень просто! Вот, к примеру, как турки именуют всех русских потаскух, знаешь?

– Не-а. Как?

– А вот послушай! Для турецких мужчин все славянские шлюхи идут под одним именем: «Наташшшя»! Неужели ты этого не знала?

– Нет.

– Теперь подумай. С одной стороны, это имя – как бы метка на тебе, тавро цветка лилии на плече для знающих, как у той высокородной проститутки в «Трёх мушкетёрах». А с другой – вполне приличное в нашей стране имя. Его настоящий, скрытый тобой смысл, знаешь только ты. И в Москве вообще никто, кроме тебя, не будет в курсе, что имя сменила и какой в этом смысл!

– Ну да.

– Ещё есть и другой плюс. Хоть имя и поменяла, но Глашка и Наташка звучат схоже, привыкнешь отзываться быстро. – И, хитро ухмыльнувшись, добавила, хохотнув: – Опять же, Наташка-какашка рифмуется складно, ха-ха!

Последнее замечание стало решающим. Раскидывая извилинами, наша «не-красавица» пришла к выводу, что идея очень даже неплохая. И, заменив Глашку на Наташку, она меняет одновременно и имя, и судьбу, над которой этой заменой даже откровенно посмеивается. И расстаётся с той частью своего неровного пути, где она ещё была Глашкой. И про который её нынешним сожителям знать совсем необязательно.

Так и поселилась вновь поименованная Наташка Бочкина в Белокаменной, сумев на многолетние женскозаработанные накопленные «рваные» отжать в Москве хоть и угол, зато в самом центре. Да ещё и в старом «сталинском» доме.

* * *

Заехав в столь козырное место, Наташка поначалу остерегалась показывать свой дрянной характер. Жила тишком, пригнувшись, приглядываясь. Примериваясь, кого ужалить первым, кто будет самой лёгкой жертвой. Оценивая, кого можно начать травить безбоязненно, и прикидывая попутно, кого взять в компанию улюлюкающих. Так всегда выходит, что проще всего досаждать именно тем, кто делает для коллектива добрые дела. Долго просчитывала, чего этими гадствами хотела бы достичь. Конечно, ей хотелось денег, и она вынюхивала, где можно отнять, выудить, отжать, на худой конец, войти в долю.

Пощёлкав в головёнке извилинами, белесоволосая гадюка в женском обличье решила прицепиться к активистам своего же дома, выбранным в местное самоуправление. Не давала покоя мысль, что за бесплатно никто и со стула не встанет. А тут такой домина! «Наверняка есть что стянуть», – думала вновь поселившаяся по её сложившемуся пониманию мира.

Известная истина: не ошибается тот, кто не работает. А того, кто с лопатой пашет на общее благо, запросто можно обвинить, что копал не там, носил не туда. И вывернуть общественное мнение так, что работа его была не на пользу, а во вред. Вот наша паскудница и пошла по пути обмишуривания людей, которые в своё же свободное время, совершенно искренне и

безвозмездно, в силу своих возможностей решали вопросы коллективного бытия в большом многоквартирном доме в самом центре Москвы.

Не буду вам подробно рассказывать, на какие подлости сподобилась наша деревенская простушка с совсем непростой жизненной историей и самой себе поставленной иезуитской задачей.

Она ходила по квартирам, подбивала людей на коллективные протесты и непослушания местным органам власти. Писала кляузы в полицию и прокуратуру. Искала нарушения, ковырялась в их общественных и семейных делах. Снова спросим, зачем ей это было надо? Ответ прост. Наташка была абсолютно уверена! В её постоянно немытой и нечёсаной голове даже не помещалась другая мысль, что местное самоуправление располагает каким-то денежным бюджетом, куда по привычке наживы на чужом можно запустить свои деревенско-шаловливые ручки.

Угомонилась она лишь тогда, когда к неудовольствию и огромному огорчению обнаружила, что домовой актив не имеет ни обособленного юридического лица, ни расчётного счёта в банке, ни каких-либо финансовых средств в собственном управлении. Вся её ажитация, негативный запал был рассчитан на обман жителей, настрой их против своих же добропорядочных соседей и схему по завладению управлением домом с получением доступа к управлению общим имуществом.

А тут картина оказалась удручающая и разочаровывающая. Общего, то есть ничейно-колхозного и без присмотра имущества, в доме не оказалось совершенно и хапнуть было абсолютно нечего.

К тому же обнаружилось большое отличие деревенских односельчан, её прежних обманутых соседей, смирившихся со змеиными повадками бывшей Глашки, от коренных москвичей, которых она пыталась оклеветать. Они оказались и зубасты, и деловиты, и юридически подкованы. А ещё обладали умом и были крепко злопамятны.

Нынешняя Наташшшя, обломившись с ними в склоках, получила в ответ несколько судебных исков. Пришлось расстаться с весьма внушительными суммами, выставленными за проигранные процессы, штрафы за оскорбления и лживые россказни. Поверженная и униженная бывшая Глашка отползла, зализывая полученные раны, и обратила свой алчущий взор на другие способы обогащения.

Наташкин пащенок, живущий под фамилией Собачкин, за прошедшие годы вытянулся, вырос. Даже не вытянулся, а раздался. Лицом походил на родительницу, а фигурой на деревенскую бабку, ширококостную, крепко сбитую, коротко-кривоногую и приземистую. Недолго думая, наша расчётливая бывшая работница полусвета пристроила пацана на учёбу в школу полиции. Рассудила крепким провинциальным, но оборотистым умом: как повернётся будущая жизнь, ещё неизвестно, а свой, да при погонах, всегда поможет вывернуться, если что, это во-первых. Да и в армии служить ему не придётся, поскольку сотрудники внутренних органов состоят на спецучёте и призыву не подлежат, это во-вторых.

* * *

А стремительно стареющая мамка Наташка, оставляя за собой недобрые взгляды почти всех жителей дома, сменив теперь направление охоты, озирала красиво ухоженный зелёный московский двор. Взгляд её ощупывал округу в поисках уже почти собравшегося на погост старичка, на которого ей по секрету и на ушко недавно указал один местный дворник-армянчик.

По словам вечно небритого нерусского уборщика выходило, что за престарелым гражданином много лет никто не приглядывает, детки его живут далеко за рубежом, судьбой папаши не интересуются. Да и имущество его им совершенно неинтересно, потому как своего за границей навалом.

По новому плану новоиспечённой москвички, жаждущей хапнуть чужого, выходило так: надобно стремительно найти старичка, желательно в непринужденной обстановке. Резво включиться в настырный за ним уход. Довести глубокого пенсионера до кондиции и готовности подписать нужные бумаги. Остановка была за малым: где же он, этот подыхающий старик, у которого завалялась так нужная ей квартирка? Наташка со слов армянина лишь примерно знала подъезд и дом, но зайти и опрашивать людей она не решалась, очень боялась, что раскроют её план.

* * *

Подчас судьба бывает несправедливо и неоправданно благосклонна к самым отъявленным упырям и негодяям! Может, Господь таким способом даёт им ещё один шанс излечить душу, заглянуть назад, пересмотреть прошлое и прожить оставшееся отведённое время в благочестии и кротости. Кто знает?

И одним утром, когда наша женщина уже давно терла подошвы вокруг теперь уже известного ей подъезда, дверь его открылась. И, пристукивая хлипкой палкой, неуверенно покачиваясь на невысоких каменных ступеньках, появилась её цель. И снова не буду подробно описывать то, как Наташка вцепилась в покинутого родными детьми пожилого мужчину. Я даже допускаю, что делалось это ею почти искренне. Уверен, любовь к деньгам, то есть к чужой квартире, была совершенно натуральная. А также и её вера, что это лёгкие, быстрые и честно заработанные деньги.

Что удивило, так это нелепая и неожиданная кончина дедушки. Аккурат через пару недель после подписания дарственной и полного переоформления квартиры. Но признаемся, откуда нам известно, насколько дедуля не был уже там? Болезней – не перечесть. Опять же возраст. Мы свечку не держали, ведать большего не можем. Удача махнула хвостом, считаю, перед нашей, настроенной на получение дедовой квартирки деревенской прощелыгой. Вот свезло так свезло, одно слово! Перебирая по чужим комодам документы старичка, Наташка заочно познакомилась и с детишками новопредставленного покойника, которые остались благодаря её железной хватке ни с чем.

Два крепких парня с серьёзными взглядами на одних фотографиях обнимали ещё молодого, а затем и взрослеющего на других снимках папашу. Ближе к концу фотоальбома с молчаливым неодобрением взирали прямо на неё с черно-белых и цветных отпечатков. Про себя женщина подумала, что встретиться с ними в жизни будет большой неудачей.

* * *

…Отметив вдвоём с сынком успешные похороны дедка, на следующий день Наташка засобиралась получить в нотариальной конторе оставшиеся документы, а вечерком отметить столь грандиозное событие. Ещё будучи в квартире, новоиспеченная хозяюшка унюхала резкое нехорошее амбре, доносившееся из приоткрытой форточки с улицы.

Выйдя из нового подъезда, оглядев по-хозяйски свой новый дом и двор, ещё раз принюхавшись, владелица подаренной умирающим дедком квартирки обнаружила источник аммиачной вони буквально в паре метров от входа в подъезд – открытый канализационный люк и двух ковыряющихся в подземелье рабочих. Именно оттуда и нёсся поганый запах подгнивающих экскрементов и других нечистых отходов человеческой жизнедеятельности.

– Вы что это удумали, черти, а? Вы что тут ковыряетесь? Кто вам позволил? Это мой дом! Я не давала разрешения проводить какие-то раскопки на общественном имуществе! – попёрла по привычке Наташка дурным голосом на честных тружеников городской ассениза-

ции. – Быстро отсюда свалили, пока я не вызвала полицию и не стала проверять ваши документы!

То ли работяги уже закончили свою работу, то ли их и вправду смутил громкий ор женщины. Спорить они не стали, торопливо выбрались из колодца. Собрав инструмент, покинули двор, даже не успев прикрыть колодец. Наташка попыталась ковырнуть тяжеленную чугунную крышку люка носком туфли, но поняла, что сама она не справится. Сплюнула и пошла по намеченному маршруту.

* * *

Как всё-таки хорошо, когда есть план! Когда всё удается!

– И жизнь хороша, и жить хорошо! – пьяненько напевала про себя обладательница заветных квадратных метров, возвращаясь из ресторана уже в сумерках, наша счастливая Наташшшя. – Как прекрасен этот мир, посмотри-и! – допевала дамочка очередную песню счастья, приближаясь к подъезду, когда глаза вдруг наткнулись на две чёрные тени, пересекающие в неверном вечернем фонарном свете асфальтовую дорожку к дому.

Подняв взгляд на хозяев теней, бывшая Глашка, а ныне Наташка, обнаружила перед собой двух крепких серьёзных мужчин, одетых в одинаковые кожаные куртки, тёмные спортивные штаны и чёрные кожаные берцы, невозмутимо рассматривающих её.

– Где же я видела эти жёсткие глаза? – пронеслось у неё в голове. И тут же с леденящим ужасом она вспомнила домашний фотоальбом деда. Истошно взвизгнув, нетрезвая Наташка, огибая полукругом неподвижные фигуры, рванула к подъезду. Они даже не шевельнулись с места, лишь чуть повернув головы, проводили взглядами её хаотичные скачки.

Нелепо мечущаяся в слабом свете неяркого уличного освещения грузная и нескладная женская фигура ещё раз странно подпрыгнула прямо у подъезда и неожиданно пропала. Откуда-то снизу, как из преисподней, раздался противный хлюпающий звук, как ножом отрезавший последний женский вскрик. И зазвенела пугающая тишина.

* * *

Несмотря на позднее время, полиция приехала довольно скоро. Плечистые спортивные ребята недоумённо давали совершенно искренние показания. Они полностью совпали со словами двух свидетелей: соседки в окне из дома напротив и пожилого мужчины, гулявшего неподалеку с собачкой. Дурно пахнущее тело с трудом выудили из узкой горловины люка. Эксперт следственно-оперативной группы констатировал смерть Наталии Ивановны Бочкиной, наступившую в результате утопления в нечистотах в канализационном колодце, по непонятной причине кем-то оставленном открытым.

Над трупом, с головы до пят обмазанным человеческим дерьмом, стоя на коленях, по-собачьи подвывал убитый горем неуклюжий сынок в расхристанной служебной форме. В слепом горе он то хватал её руками и тряс безжизненное остывшее тело, то размазывал по лицу слёзы, сопли и стряхивал липкие коричневатые остатки давно пережёванных и прошедших свой путь продуктов с неподвижной и навсегда замолчавшей матери. Собачкин-сын был единственным, кого та любила по-настоящему. И оставила ему чужое, отжатое, богатое наследство, которым сама так и не успела толком попользоваться.

Когда до родного села дошла весть о замысловатой и необычной смерти бывшей Глашки, односельчане, не удержавшись, ёрничали и злобно подшучивали:

– Наша Глашка-какашка и в смерти достигла цели! Смогла-таки удачно «влиться» в свой же коллектив.

Господь дал, Господь взял. Заслуженно. И навеки воссоединил подобное с подобным.

2. Зёрнышко жизни

А вчера заезжаю на заправку. Прошу полный бак. Пока наливается, рассматриваю полки, перебираю глазами разноцветные пакетики с конфетками, печеньками, орешками, семечками…

Милая приветливая девушка за кассой:

– Хотите чай или кофе? Может, эспрессо или капучино?

Улыбаюсь в ответ:

– Спасибо, но нет. Уже обеденное время.

– Может, сосисочку в булке? Или сэндвич? Или чипсики, вот, вкусные!

– Точно нет. Не хочу перебивать аппетит.

А бензин пока наливается. Помолчала. Подумала. Подняла красивые глаза и, вдруг покраснев, тихо:

– Дома борщ есть…

И в этот момент отстрелил пистолет. Бензобак полон…

* * *

Проснулся в три ночи. Думаю о борще. Эх, люблю я это дело – борщ при свете Луны!

3. Платить по счетам

Сегодня, мои дорогие друзья, поговорим о таком известном и широко распространенном в мире явлении, как… супружеская измена! Да-да, вы не ослышались, обсудим эту интересную пропозицию, когда в семейной паре одному внезапно стало вдруг не просто хорошо, а в ДВА, а то и в ТРИ раза лучше. По крайней мере, по разнообразию ощущений, познанных не только дома, но и на стороне. А второму… даже непонятно, как там второму супругу или супруге ощущается… Вариантов-то и сочетаний наберётся множество!

Но исследовать эту жгучую тему в теории, наверное, неправильно. Ведь любой из вас скажет: «Выдумал всё автор! В жизни так не бывает». И я попытаюсь покопаться в вопросе на конкретном примере. Итак…

Ехал я несколько лет назад в поезде дальнего следования. Купе хоть и было четырёхместное, но получилось нам оказаться вдвоем. Два мужика. Оба москвичи, да ещё и живём, оказывается, совсем рядом. И в одном районе, и дома стоят через один квартал. Это был серьёзный повод для завязывания вполне дружеского общения. И его продолжения после окончания путешествия. Дальше – больше. Познакомились семьями, стали ходить друг к другу в гости на праздники. И пошло-поехало!

Но началось-то, конечно, с «вагонного» синдрома. Это когда совершенно незнакомому человеку вываливается вся подноготная, все жизненные радости и гадости. Потому что уверен, за дверью вагона всё тут же забудется, мимолетная встреча окончилась, попутчик растворится в воздухе, как дымок сигареты. И через минуту даже запаха не останется. Но! Не в этот раз.

Моему соседу по купе оказалось важным услышать про мой жизненный опыт, про мои знания по животрепещущим для него вопросам. Хотя и прожил уже изрядно, всего-то примерно на пятнадцать лет меньше меня. И то, через что он сейчас продирался по жизни, как сквозь колючий нелюбезный кустарник, у меня уже было давно за плечами. И озвученная им от меня идея-предложение «поучиться на чужом опыте, а не на своей шкуре» попутчику, собеседнику, а вскоре и другу, очень понравилась.

Мой сопутешественник Толик влип всеми своими чреслами, как муха. Сам он думал, что в варенье. С блаженной физиономией кудахтал о новых ощущениях, об удивительной гармонии со вновь обретённой красоткой, но со стороны-то виднее! Это было вовсе не варенье. И то, что ОНО на тот момент ещё не запахло, – чистое везение и случайность.

Толик был хорошим мастеровым. Прилично зарабатывал. Работал айтишником, писал программки для гаджетов, детки любили игры, придуманные Толиком. Толик часто выступал по школам с рассказами о своём ремесле. Выступал живо, интересно, ребята с удовольствием слушали хвастливые рулады от Толика о нём и его благополучной семье, а их мамы втихую передавали друг другу заветные циферки мобильного номера брутального рассказчика. И часто позванивали ему уже после выступлений.

Так и случилось нашему Толику вляпаться своим необрезанным и «дорогим» в одну «голодную» на утехи мамку в недалёком от Москвы городе Ростов Великий. Или Великий Ростов, это кому как приятнее произносить.

По перваку балованному на разнообразие «возрастному пацану» казалось, что все в ажуре. Он чуть ли не еженедельно мотался в свой внезапно полюбившийся «Великий», называя его в разговорах с друзьями специальным шифром «ВР» – «Великий Ростов». Даже версию придумал, обыгрывая сочетание из этих двух букв. Ведь если принять, что эти буквы английские, то «ВР» становится «БиПи». Читается как название известной сети автозаправок, что недавно торчали в России вдоль трасс, как грибы после дождя. На эту же тему наш Толян и шутил, когда собирался в очередное секс-турне. «Съезжу-ка я в ВР! Пора-пора мне подзаря-

диться, организм свой побаловать сладеньким и энергичным!» – юморил в разговорах с друзьями. Мы понимающе хмыкали.

Дамочка только на первый взгляд оказалась милой и пушистой. С каждым разом она кратно увеличивала свои запросы, умело выкручивая из немолодого Толика всё новые и новые экзотические припадки юношеского старания. Недавно на потерявшей шевелюру голове нашего героя-любовника от натуги даже начала морщиться кожа. Но бедный парень в исступлении искал способы и возможности для коротких и бурных встреч. Для постоянного ношения таблеток «Виагры» он даже приспособил маленький карманчик-пистон на джинсах.

Да! Совсем забыл упомянуть основную вкусняшку их насыщенной жизни. Конечно же, скажет любой, прочитав начало истории. Ну встретились два одиночества, ну сошлись в экстазе и любви к известному процессу. Почему бы и нет? Всё дело в том, что и у оголодавшей на лихие телодвижения мамки из ВР, и у нашего замороченного на тайные свидания Толика дома были… свои, законные половинки! «Мамкин» супруг был добросовестным и ответственным армейским служащим, исполняющим свой воинский долг неблизко от родного города. И, отъезжая на службу, возлагал на молодую ненасытную супругу уход за двумя сотворёнными мужественным «служебным органом» детишками. А Толик тянул уже не первый десяток лет свою брачную лямку с тройкой лошадей. Точнее, с двумя лошадками – женой и дочкой и одним молодым жеребчиком-сыном в почти совершеннолетнем возрасте.

Нормальный такой расклад для стандартного адюльтера.

Замотавшись, забегавшись по съёмным на сутки-двое квартирам, недорогим отельчикам и углам от друзей, наш страдалец пришёл ко мне с вопросом: «Как быть дальше?»

– Скажи, дружище, что мне делать? Я не люблю жену, но привык к ней. Опять же двое несовершеннолетних ребят. Если развод, жена сметёт с трудом накопленное имущество. И оставит меня с руинами.

– Ты хочешь развестись?

– Не хочу. Но моя молодая любовь настаивает. Каждая наша встреча заканчивается скандалом и требованием от меня развода. Что мне делать, скажи?

– А какие варианты ты рассматриваешь?

– Ну, вот, например… Если она мне изменила, я бы развёлся. Но тогда я был бы прав. И потребовал бы от неё поделить имущество в нужных мне пропорциях. Вот!

– Стоп! Давай-ка начистоту. То есть дело не в разводе, а в том, чтобы оставить жену ни с чем, раздеть её. А самому выйти из брака со своим добром? В чём суть?

– Я бы хотел поймать её на измене.

– Скажи, дружок, это ты сам придумал или нашептал кто?

Помявшись, Толик выдал сказочную правду: такую идею ему подсказала его молодка из «Великого».

– Подумай хорошо, друг мой, – посоветовал я ему. – Вы ещё и не живёте вместе, а только изредка встречаетесь, а твоя милая подружка уже вовсю комбинирует и… зомбирует тебя. Ты не думаешь, что её замечательные способности через несколько лет вернутся к тебе же бумерангом?

– Ну а почему? Нам нравится быть вместе. Нам очень хорошо. Какие могут быть причины для ссор? Я таких не вижу!

– Эх, Толик-Толик! Когда ты говоришь, что «вам хорошо вместе», ты рассказываешь о СВОИХ ощущениях. Это тебе хорошо. Когда ты делишься, типа, вашими планами, ты мне выкладываешь СВОИ планы. А вот что на самом деле думает и планирует твоя новая пассия, ты можешь только предположить! А вот я со стороны, не одурманенный видами её задорных торчащих экстерьеров, вижу «девичьи» планы совершенно другими. И они мне активно не нравятся!

– Какие?

– Она хочет тебя развести, присосаться к тебе и твоему имуществу. Переехать в Москву. Перевезти своих детей. Пользоваться всеми доступными тебе благами. Чтобы они стали и ЕЁ благами.

– Но она такая классная! Когда она не рядом, мне одиноко.

– Мне кажется, ты дурак, – говорю я в сердцах. – Кто тебе мешает, в конце концов, делать себе иногда «хорошо», встречаясь с ней. Раз уж ты так влип по самое-самое. Но ломать семью, прожив почти двадцать пять лет, из-за ловких манипуляций губами и мимическими мышцами лица провинциальной умелицы? Мне теперь кажется, ты не дурак.

– А кто?

– Идиот.

Примерно в такой тональности, иногда добрее, иногда жестче, я пытался донести до несчастного задуренного товарища его неминуемые перспективы. Увы, не доходило никак…

Каждый раз при нашей очередной с Толиком встрече он обязательно делился очередным рассказом о своей несчастной участи. Хотя вид у него после возвращения из ВР всегда был сытый и умиротворённый. Примерно несколько дней. Затем начиналось по новой:

– Ты знаешь, – каждый раз горько сообщал мне Толик, это будет наша последняя встреча! – и прерывисто вздыхал.

– Отчего?

– Она сказала мне: «Или ты принимаешь решение и уходишь, или я тебе больше никогда не дам и возвращаюсь к любимому супругу!»

Как говорит современная молодёжь, слушать его – настоящая ржака. Но я слушал, тоже вздыхал, успокаивал как мог. Думая про себя: «Ну когда же закончится эта бесконечная Санта-Барбара!»

Сразу же после одной из поездок на дачу залипший на ВР-провинцию Толик вдруг снова засобирался в путь, несмотря на лёгкую дачную простуду.

– Теперь точно в последний раз еду! – хлюпал он покрасневшим и распухшим носом.

– Почему?

– Она сказала: если я не разведусь, она снова сойдётся с мужем.

– Так уже же сходилась! Что, снова? Опять?

Толя резво метнулся в «Великий», сказав, что его визит в этот приезд у них пройдёт в съёмной квартире. Добавив, что через два дня планирует быть обратно. Прошли ожидаемые дни, я набираю днём знакомый номер, узнать, как все прошло. И убедиться, что Толик возвратился в порядке.

– А я пока что остался! Ещё на один день! – с восторгом оповестил меня мой друг.

– А как так-то? Тебя же обещали вытурить! – удивился я метаморфозам с его настроем и планами.

– Представляешь, у нас состоялся очень честный разговор, – начал радостно делиться друг. – Она прямо спросила, буду ли я разводиться. А я ответил, что нет.

– Смелый! – хохотнул я. – А дальше?

– Тогда она сказала, чтобы я немедленно уходил, потому что больше у неё со мной ничего не будет, это во-первых. А во-вторых, она ожидает уже сегодня приезд мужа.

– Потрясающе!

– Потрясающе другое, – продолжил мой героический друг. – Потом она поплакала и сказала, что я намного лучше мужа. И она готова выбрать меня, если я не поеду сегодня домой и останусь с ней ещё на ночь. А про мужа она пошутила.

– Правда? И что же дальше?

– И я остаюсь! – с гордостью известил меня Толик о своём ратном подвиге. О своей виртуальной победе над далёким армейским мужем своей любовницы.

– Знатная «Виктория» у тебя случилась, конечно, – я не стал спорить. – Когда вернёшься?

– Да завтра. Я приустал, и «Виагра» закончилась.

– Хорошо. Звони, как будешь садиться в поезд, – я повесил трубку и забыл о Толике до утра.

* * *

Рано утром раздался звонок. Незнакомо-шершавый голос Толика заскрипел в трубке:

– Скажи, ты мне друг?

– Конечно! Мог бы и не спрашивать.

– Тогда выручи, встреть меня с поезда.

– Конечно. Без вопросов. А что у тебя с голосом? У тебя всё в порядке?

Толик посопел в трубку, вздохнул и тихо произнёс:

– Там плитка скользкая в душе оказалась. Не удержался, упал. Ударился головой об унитаз, разбил переносицу, ударился лбом и глазом – синяки. И руки повредил. Обе. То ли вывихи, то ли ещё хуже, переломы.

– Хм… Толя, скажи честно, это… муж вернулся?

– Нет-нет! Это я сам. Не забудь, встреть меня с поезда, пожалуйста, – перебил и быстро протараторил мой друг, назвал время прибытия поезда и повесил трубку.

Конечно, я уже заранее был на вокзале, встретил страдальца у вагона. Тот аккуратно вышагнул на перрон, бережно выставив перед собой две распухшие и покрасневшие, как рачьи клешни, руки. Найдя в поисковике профильный травмпункт, помчались сразу туда. По дороге, искоса поглядывая на нарядно изменённые конечности товарища, разбитый нос и ссадину под глазом, снова уточнил:

– Ничего не хочешь добавить? Как умудрился так ловко травмироваться. Какая-то ванная мстительная тебе попалась. Рассказывай! Колись!

Моргнув глазами, Толик выдал лаконично, как Семён Семёныч Горбунков в фильме «Бриллиантовая рука»:

– Поскользнулся, упал. Головой попал в унитаз, а руками ударился в пол.

– Унитаз-то хоть цел? – я вспомнил одну подругу из юности, которая в борьбе с зелёным змием умудрилась своей дурной башкой расколотить в гостях «фаянсового друга».

– А что с ним будет. – И он бережно, одним пальцем, прикоснулся к ссадине под глазом.

«Затихарился Толян, все равно правды не скажет. Ну и ладно. Приехал, и хорошо!» – подумал я, выруливая к зданию травмпункта.

Уже на пути домой, после наложения гипса на сломанные всё-таки руки, мой товарищ разоткровенничался:

– Договорились обо всём. Она сказала, что будет жить с мужем. А со мной только встречаться, когда найдет время. Добавил: – И желание тоже.

– И всё?

– Всё спрашивала, почему я не разведусь, какая причина сможет заставить меня развестись.

– Неужели ты нашёл, что конкретно назвать достаточной причиной для развода?

– Конечно! Сказал, что немедленно подам на развод, если узнаю, что жена мне изменила.

– А она изменяла?

– В том-то и дело, что нет. Ни разу! Мне ничего об этом не известно. Если б это случилось, такой бы повод был удачный. – Толик помечтал вслух и пригорюнился.

В этот же день пополудни раздался звонок с Толиного мобильника.

– Я говорил тебе, кем Галька работала раньше? – начал Анатолий без длинного вступления. – Она служила в полиции! И ты можешь себе представить! Она только что прислала мне доказательства измен моей жены!

Толин голос дрожал от возбуждения. Голос был раздраженным и злорадно нервным.

– Да как такое может быть? Откуда она знать-то может? Из своего Ростова, хоть и Великого, – ёрничал я, не веря ни на грамм в услышанные слова.

– Она мне подтверждение бронирования номеров в отеле прислала, прикинь! – злобно верещал товарищ. – На её имя! Как раз в те дни, когда я в «командировках» был.

– В командировках – это на очередных зарядках в ВР? – снова весело пошутил я.

– Допустим! Но какая разница? – не успокаивался Толя. – Вот она скоро придёт с работы, всё ей расскажу! Что все знаю и буду разводиться. Я измену простить не смогу, я себя знаю!

– Простить измену не сможешь, а сам изменять… легко?

– Одно дело я, а другое – она.

– Ну да, ну да, – подзадорил и я со своей стороны. – Известная тема: муж и жена – одно целое. Если муж гульнул, это мы «сделали». Такое можно. А если жена вильнула на сторону, получается, это «сделали» нас. А вот этого я как мужик позволить не могу. Правильно я тебя понимаю? – попробовал я снова аккуратно поддеть приятеля. – Послушай мой совет, Толя! Вообще ничего не говори жене. Сначала подумай, что сказать, когда сказать и нужно ли вообще что-либо говорить!

– В общем, сегодня я буду разводиться! – гордо закончил Толян разговор и отсоединился.

Вечер прошёл в нервном и томительном ожидании. Звонков от приятеля не было. Мои несколько попыток успехом не увенчались. Он не поднимал трубку. «Тёрки идут, квартиры делят», – предположил я. «Как бы не добавилось переломов». На этом месте вспомнилась старинная тяжеленная чугунная сковорода на кухне у друга.

Звонок случился уже утром следующего дня.

– Ну как у тебя? – интересуюсь.

– Я всё ей сказал, – тихим голосом начал Анатолий.

– А дальше?

– А дальше она покопалась в своем телефоне и назвала дни, когда я… в общем, оказывается, она всё знает! И про Галочку мою. И про каждый наш раз! – с печальным удивлением развил он тему. – И знаешь, она вовсе не удивилась моему предложению развестись. Сразу сказала, что готова оставить мне эту квартиру и уйти в другую, нашу прежнюю, мы сдаём её сейчас.

– Ловко! – удивился я.

– Да, даже очень. Добавила, что ничего из вещей ей не надо. Оставляет мне всё… вместе с детьми. И что ей нет ещё пятидесяти. И вполне она жизнь свою наладит. А на мне теперь дети, их школа и кружки. Поликлиники и прививки. Уборка и готовка. Это всё мое.

– Ну, не томи!

– Короче, дружище, – Толя снова назвал меня своим обычным обращением. – Мы не будем разводиться!

Немного оторопев от вороха событий, я задержался с ответом. Но всё-таки сформулировал мысль, не дававшую мне покоя со вчерашнего дня:

– Дорогой мой! Я тебе говорил, не начинать этот разговор? Говорил! Зачем ты его таки начал? Вот, смотри, что могло бы быть. И что в результате получилось!

– Что?

– Вы бы жили спокойно, твоя «боль от измены жены» потихоньку бы ушла. Непроизнесенные слова не испачкали бы тревогой ваш с оголёнными нервами слух. А что теперь? Вы налили друг другу в души помоев, вываляли сами себя в грязи и… остались-таки жить вместе, окунувшись с головой в это вот всё! Кому и зачем такое было нужно?

– Да, и я сам жалею… Измены существуют столько, сколько существует человечество, – ударился в мудрствование мой поникший друг.

– А знаешь ли ты, – я решил разрядить обстановку, – почему цифру семь, когда пишут рукой, то рисуют с черточкой посередине?

– Нет. А почему?

– Тогда слушай. Давным-давно Моисей огласил десять Божьих заповедей перед скучившимися собратьями. И был уверен, что люди с благочестием и трепетом их воспримут.

Однако, выслушав сказанное, толпа мирян надвинулась на Моисея с глухим ропотом. В шуршании голосов не разобрать было отдельных недовольных слов. И только издали послышался чей-то бас:

– Не бери лишнего на себя, Моисей! Оставь народу кое-что решать самим!

– А что вас смущает, евреи?

– Не зли богоизбранный народ, Моисей. Зачеркни лишнее! Зачеркни!

– Что именно зачеркнуть, единоверцы?

– Зачеркни седьмой номер, седьмую заповедь, наш Моисей! Ибо вовсе это не грех, а движение нашей часто неуёмной плоти!

…Вот так на цифре «семь» появилась горизонтальная черточка.

– Я не помню десять божьих заповедей, – признался Толик.

– Прочти седьмую заповедь, – со смешком посоветовал я. Но тут же серьёзным тоном добавил: – Ладно, не буду томить. Звучит она просто и ёмко: «Не прелюбодействуй».

* * *

Сидя дома, в кабинете, потягивая свой обычный утренний кофе, перебирал в памяти описанные известными прозаиками случаи порочных связей. Не могу вспомнить ни одного примера, где бы такая похотливая тяга привела к долгой радости. Печальным образчиком лютого финала встаёт перед глазами судьба Иудушки Искариота в варианте, описанном Михаилом Афанасьевичем.

– Человеку же свойственно набивать себе шишки, – сделав очередной глоток, рассуждал и аргументировал я в разговоре с самим собой. – Набирая собственную базу потерь и ошибок, любой из нас не доверяет даже самым ярким примерам, что находятся прямо перед глазами. Хочется самому, лично! И лоб расшибить, и руки-ноги поломать. А ведь всё равно наступит время, и ляжет перед каждым из нас узорная тёмная папка с тяжким неоплаченным счётом внутри. От Всевышнего. Или от Антипода его. Жизнь в ту же секунду станет неуютной. И придётся платить по счетам. Неподъёмную и окончательную цену. Стоит ли увеличивать свои долги?

– Да иди ты уже! – донёсся с улицы удивительно знакомый сварливый женский голос. Выглянув из окна, увидел бредущую к магазину знакомую парочку, моих милых друзей Толю и Полю. Толик безуспешно старался уйти вперёд, обогнав на пару шагов жену. А Полина догоняла незадачливого муженька, грозно размахивая позади свёрнутым зонтиком. И ей всё-таки удалось разок попасть своим инструментом ему промеж лопаток.

– Жизнь продолжается! – вздохнул я, допивая остатки кофе и наблюдая с высоты своего этажа эту «картинку с выставки».

4. Будни художника звука

И вот предстоит очередная работа! Ура!

Лечу на своё производство в Германию, чтобы выпустить CD-диск ныне уже легендарной группы «Комиссар».

Почему я так торжественно об этом рассказываю? А очень просто: в руках я тогда бережно держал мастер-диск, который, как признался мне руководитель лейбла, в единственном экземпляре и сделан второпях. И мне лично предстоит провести финальный мастеринг уже сразу в студии компании!

К сожалению, оправдались все опасения. Запись была грязная, её предстояло тщательно почистить, убрать браки по звуку, щелчки, замаскировать провалы, поправить балансы каналов и прочее, но уже по мелочёвке.

Коммерческий директор моей немецкой компании Sonopress GmbH доктор Роланд Рамфорт, осознав невесёлую перспективу, тяжело вздохнул, позвал руководителя студии и объяснил стоящую перед нами задачу. Она резко усложнялась из-за звуковика, которого мне выделили. Он был просто шикарным! Уши у него были размером, как у слона. И слышал парень невероятный диапазон и чувствовал любую козявку. Но был нюанс: он прекрасно говорил на одном единственном языке – немецком. А я не менее шикарно на одном русском и довольно уныло на английском.

– Уверен, справитесь! – с наигранным энтузиазмом подбодрил Роланд. И добавил: – Работайте!

И мы двинулись в тон-студию.

Оказалось, что звуковик не просто немец, а выходец из восточного региона. И он, услышав, что предстоит работать с русским, тщательно готовился к совместной со мной работе. Первым делом наш звукомастер достал откуда-то с полки старую пыльную книжку, и та оказалась «Русско-немецким полевым разговорником», выпущенным… ШТАЗИ!

Полистав страницы, я чуть не свалился под стол! Объём книжечки был невелик, но он сумел вместить самые нужные для работы в вышеназванной организации слова:

Anwerbung – Вербовка
Spion – Шпион
Selbstanzeige – Явка с повинной
Resident – Резидент
Verbindungsmann – Связной
Rufzeichen – Позывные
Gib deine Waffe aus – Отдай своё оружие

И так далее, и тому подобное!

Звукотехник виновато улыбнулся, пожал плечами и, с трудом вспомнив несколько слов на русском, как-то сумел сказать, что другого словаря у него нет.

И мы начали работать. Это был тот ещё квест, но примерно на второй-третьей песне мы уже нашли некий общий язык, позволяющий легко понимать друг друга. И мы справились! Два дня мы чистили всего-то десять треков того самого альбома группы «Комиссар», их песни до сих пор слышатся то там, то здесь в разных городах России, из разных окон, на волнах разных радиостанций и всевозможных гаджетов.

И каждый раз, вдруг услышав недалеко от себя на улице или в гостях знакомые звуки близкого сердцу музыкального коллектива, я вспоминаю этого милого парня из Восточной Германии, мучительно, но старательно подыскивающего слова. В лексиконе которого благодаря сохраненному разговорнику наших братских, друживших крепкими объятиями и поцелуями

взасос, стран – строителей светлого, коммунистического будущего, существовали довольно странные переводные словесные пары.

И какое-то щемящее чувство не даёт мне покоя и постоянно свербит в глубине души. А те ли это были слова, которые используют в разговоре между собой настоящие друзья и с которыми мы должны были вместе топать в радостный светлый мир?

P. S. *«Штази» (Stasi, нем.) – Министерство государственной безопасности ГДР (нем. Ministerium für Staatssicherheit, неофициально – Штази, Stasi) – контрразведывательный и разведывательный государственный орган Германской Демократической Республики. Создано 8 февраля 1950 года по образцу советского МГБ.*

5. Контрабандист

Много лет назад Толик ввёз в Российскую Федерацию огнестрельное оружие. Незаконно. И вовсе не потому, что преследовал преступные цели. Всё было проще и банальнее. Ему очень хотелось иметь красивое охотничье ружьё. И когда увидел свою мечту в оружейном магазине в далёкой зарубежной туристической поездке с семьёй, не удержался. Потому что желания, даже самые смелые, надо исполнять. Особенно, если они свои собственные.

Толя купил это прекрасное заморское изделие, оформив, как положено, все документы в стране его приобретения. Продавец заверил, что всё сделано совершенно легально. Был послан запрос в специальную полицейскую службу, и получен ответ:

«Продажу этому гражданину разрешить».

Но как правильно осуществить ввоз грозного агрегата в Россию через границу, наш счастливый обладатель не знал. Поэтому, покидая багажный зал аэропорта, просто положил ствол в чехле с патронами на самый верх тележки с чемоданами, на самое видное место. И тупо, с независимым видом и носом вверх поехал мимо таможенников.

– Сколько везёте валюты? – лениво, но с тайной надеждой поинтересовался офицер.

– Нисколько. У меня её нет. Все потратил. – Валюты действительно не было. Ответ был искренним и честным.

– Свободны. Проезжайте, – таможенник был явно разочарован, но не удивлен. Мало кто возвращается из-за рубежа с карманами, набитыми долларами. Большинство скатавшихся за границу людей все оставляет там.

Простота в расставании с таможней удивила и порадовала. Преисполненный счастья Толик добрался до дома, а в следующие дни стал наводить справки, что требуется делать дальше. Но тут…

При выяснении порядка и формальностей процедуры регистрации драгоценного экземпляра в лицензионно-разрешительных органах, куда Толик сдуру и пришёл с этим вопросом, оказалось, что без бумажки от российской таможни это сделать невозможно! На странного мужика с нелегальным стволом наперевес, стоящего в дверях «лицензионки», сотрудники смотрели недоверчиво, с опаской и тревогой. В этот момент в головушке нашего незадачливого импортёра произошло озарение: по сути, он теперь настоящий контрабандист! Он привёз из-за рубежа огнестрельное оружие. И пронёс его через таможню, не задекларировав. А дежурные таможенники прохлопали ушами (и глазами), потому что их интересовало лишь то, сколько турист везёт с собой иностранных денег. И хотя у него были в руках ВСЕ документы о приобретении в другой стране, официальная бумага той полиции о том, что Толик – правильный «пацан» и никакой «дури» за ним не числится, а также полицейское разрешение на вывоз с отметкой тамошней таможни, что Толик исправно выехал с оружием…

Всего этого для наших внутренних органов было бы недостаточно. Внезапно из законопослушного гражданина Родины Толик превратился в нарушителя закона, преступника! По пониманию российской полиции, откуда-то там выехать-то он выехал, взлететь – взлетел. А вот приземлился ли – большой вопрос! Ведь из аэропорта он вышел, получается, без ствола! А если со стволом, то как прошел?

«Что же мне делать?» – стал узнавать Анатолий у знакомых ментов.

«Единственный способ – попытаться договориться с таможней, чтобы тебе официально оформили ввоз», – порекомендовал один из надежных друзей, служивший в тот момент в одном из полицейских подразделений в центре Москвы.

И вот… Ровно через неделю, ранним утром, аккурат в то же время, как прилетал ранее на таком же рейсе, наш Толик собрался и вернулся в аэропорт со стволом и сумкой патронов в

руках. Неизвестно отчего, но подумалось ему, что быть в аэропорту в такое же время, к прилёту такого же самолета, имеет особый смысл.

В центре зала прилёта Толя увидел группу таможенников. Ближайших посадок бортов не было. С минуты на минуту наступала пересменка, и таможенники уже предвкушали завершение дежурства и спокойный отдых. А тут, нате вам, чудо-чудное нарисовалось!

К отдыхающей группе подошёл весёлый Толик в куртке нараспашку и со стволом в руке. А в другой – полупрозрачный полиэтиленовый пакет-майка, набитый пачками патронов. И потребовал всё оформить правильно. Толик был уверен в своей правоте и держался довольно нагло. Ведь это был их «косяк» – реальный «косяк» аэропортовской таможни. Нашей таможни!

Самый дородный из служивых, видно, старший по должности, просто позеленел, услышав залихватски рассказанную Толиком историю. Дрожащими руками он стал нервно шарить по телу, проверяя все карманы мундира. Анатолий даже немного испугался за мужика. На его глазах лицо мужчины быстро меняло цвет от болотно-зелёного до багрово-пурпурного.

«Таблетки, что ли, ищет, принять пора… Как бы он не окочурился прямо тут, при всех!» – подумалось незадачливому оруженосцу.

Никогда не угадаете, что искал наш бравый мытарь по карманам! И что он там, наконец, нашел. Календарь. Карманный календарь! Таможенник впился в него глазами и переспросил:

– Какого числа прилетели? Такого-то. Фу-у-у-у… Иди-ка ты, приятель, нафиг! В этот день была не моя смена!

И начался у Толика забавный квест по обиванию порогов, пробиванию и пролезанию во внутренние служебные помещения аэровокзала. К разным чиновникам разных спец– и просто служб. С довольно высокой ценой вопроса.

Внезапно наш вооружённый турист осознал, что путь у него отсюда остался всего один. Вооружённым, громко заявившим о контрабанде, его из здания аэропорта не выпустят. Либо пан, либо пропал. Толик удвоил, утроил усилия. Тряс бумагами, демонстрировал безупречность логики документов. «Если я легально выехал из другой страны с оружием на беспересадочном рейсе, который сел в московском аэропорту, боекомплект, вне всякого сомнения, в Москву и прилетел», – доказывал Анатолий многочисленным кабинетным чиновникам. «Если он прилетел, то его надо оформлять. А если я вышел из здания аэропорта без оформления, то чья это вина, уважаемые?»

«Проверяйте свои видеозаписи, смотрите, как я шёл!» – решительно втолковывал своим оппонентам Анатолий. Через пару часов они, наконец, оценили патовую ситуацию и пришли к выводу, что отделаться от настырного пассажира не удастся. Аэропортовские служащие даже подняли свой архив, вынув все декларации, заполненные пассажирами того рейса. С новой силой продолжились опросы и расспросы, переходящие в допросы.

После шестичасовых непрерывных и довольно жёстких разговоров по разным кабинетам бескрайнего здания аэропорта разными офицерами различных служб Анатолия, типа «случайно», завели обратно в транзитную зону и предложили ещё раз продемонстрировать, как тот выходил со стволом. И пройти снова мимо поста таможенников.

– Вы были с тележкой?

– Да.

– Так, возьмите её. Где, говорите, было ваше ружьё? На тележке? Положите его туда сейчас. Пройдите так же, как тогда. Повторите, как вы шли.

И вот при повторе прохода один из «зелёномундирных» как ни в чём не бывало ткнул пальцем в чехол с ружьём и важно произнес:

– О! У вас оружие! Давайте оформлять как положено!

И оформили ввоз по правилам. Такая приключилась с Толиком история. По оформленным документам выходило, что наш турист прилетел в аэропорт, шарился неизвестно где. И вышел из транзитной зоны больше чем через неделю.

Представим на секунду сегодняшний день. Нынешний, к примеру, год. И реакцию полицейских в подобной ситуации. Что бы сделала полиция, увидев в центре аэропорта мужика с красивым импортным «помповиком» в мозолистой руке и авоськой, набитой коробками с патронами, в другой?

Через несколько минут мужик со скрученными ластами валялся бы мордой в кафель, а кто-то бы уже восторженно писал рапорт и ковырял в погонах дырки для внеочередных звёздочек.

Однако обошлось.

6. Первые опыты

Много лет назад, в юности, я недолго жил в пятиэтажке с никудышной звукоизоляцией. Мне было двадцать, и мне было можно всё.

Это сейчас, с высоты возраста, я осознаю, что реально доставал соседей своим любимым роком… Но тогда я этого не понимал и искренне удивлялся их нелюбви к «Цепеллинам» или «Глубоким пурплям».

Мой немолодой седовласый сосед сверху так прямо и чётко мне на это и намекал, свешиваясь из своего окна и долбясь в моё длинной деревянной шваброй. Что же до меня, мне его ударные мешали наслаждаться гитарными «запилами» кумиров. И сильно раздражали. А ещё я очень боялся за целостность стёкол. Квартира не моя, а вставлять в те времена в окна новые стёкла было очень непростой задачей.

В общем, ни один день не проходил спокойно. Как только я включал свою музыку, в окне тут же рисовалась швабра соседа с абсолютно не попадающим в такт барабанным аккомпанементом по стеклу.

Из тупиковой ситуации я вышел совершенно случайно. Да и то лишь потому, что в соседнем подъезде проживала тридцати – тридцатипятилетняя дамочка с цепким взором и постоянно горящей промежностью. Я приглянулся ей, был приглашён в гости, где на фазе отдыха, под одеялом, случайно рассказал ей о наших боях с соседом.

Как выяснилось, дамочка недаром обладала нехорошими глазами, место её работы называлось в те годы коротко и страшно – «контора». Мыслила и излагала она чётко, лаконично, хлёстко и безошибочно.

– Делаешь так, – проинструктировала меня моя постельная соседка. – Если старый козёл хоть что-то вякнет, звони мне на работу.

Выслушав наставления опытной и знающей партнёрши, я и приступил прямо со следующего дня.

Встал около шести утра, настроил приёмник, подключил к нему всю имеющуюся в доме акустику. Ровно в шесть ноль-ноль на весь дом грянул гимн Советского Союза. Вечером, придя с работы, музыку я не включал, дожидаясь магических нулей на домашних электронных часах. А ровно в двенадцать ночи я повторил трансляцию символа советской власти, снова включив на полную катушку все звуковые ресурсы.

Этот нечаянно приобретенный опыт я продолжал недолго, буквально пару дней, потому что уже через день сосед сверху начал со мной здороваться на лестнице и около дома. Раскланиваться. И быстро проходить мимо.

Больше он шваброй в окно не стучал, как бы громко и какую музыку я ни слушал. Раздражитель исчез, но осадок остался. Теперь соседа жалко… Очень. Особенно жалко, когда сегодня я слышу из-за стенки по ночам современные музыкальные изыски. Современного музыкального фуфла.

7. Какая ты, Алла?
Часть 1

Груба? Безвкусна? Вульгарна? Хамовата? Нечестна? Жадна? Пренебрежительна ко всем, кого считает ниже себя? А таковых, по её мнению, примерно сто сорок шесть миллионов.

И одновременно известно о её помощи многим своим знакомым и друзьям. Помогала деньгами, связями, врачами, лекарствами. И, увы, отправлением своих близких коллег в последний путь.

Я ни в коем случае не претендую на статус «истины в последней инстанции», делюсь только тем, что видел своими глазами. Или в чём участвовал лично. Но именно те самые её недавние откровения в интервью с преклонением перед террористами, нелепые россказни про их «высокие идеи», сподвигли меня на написание этого рассказа.

Итак, какая Вы на самом деле, Алле Борисовна?

Осенью девяносто восьмого я сделал для Ферапонта Аккордова (в кругу близких друзей мы называли его и Фиречкой, и Фирей, и Фирюшей) невероятно красивый альбом. Многие его вспомнят, «Ой, мама, Шика дам!» назывался. Фиря напел целый диск ремейков знаменитого турецкого поп-исполнителя Таркана. Весь тираж был распродан мгновенно. И как-то утром, вскоре после этого, мне снова позвонил наш чернокудрый король эстрады и нарядным голосом сообщил сногсшибательную новость. У его любимой жены Аллочки в апреле 1999-го грядёт юбилей – стукнет целый полтос.

– Игорь! – с пафосом восклицал Фиря. – Ты разве забыл о великом празднике всей страны? Ты просто обязан сделать для Аллы что-то невероятное. Такое, чего ещё ни у кого не было!

Вот так и началась работа моего коллектива над юбилейной коллекцией «нашей Аллы».

Коллекция состояла из видеокассеты, двойного CD-альбома и сдвоенной коробки с МС – компакт-кассетами. Упаковано всё это богатство было в ювелирный чёрнобархатный бокс с золотой накидной пряжкой в картонной коробке с тиснением на весь её размер.

Одну деталь дорогой мой Фиря забыл донести в нашем разговоре: Алла НЕ ПЛАНИРОВАЛА МНЕ ПЛАТИТЬ ЗА РАБОТУ! От слова СОВСЕМ.

Итак, первая забавная черта характера «Нашей-всё» – по её глубочайшему убеждению ей все вокруг ДОЛЖНЫ. Обязаны по гроб жизни одним фактом её существования на белом свете.

Для Фири мой отказ выполнить работу бесплатно и сделать Алле подарок на пятидесятилетие примерно за шестьдесят пять тысяч долларов стал неприятной неожиданностью. Да-да! Именно в такую сумму обошёлся в итоге первый тираж. И сразу уточню, экономная до синих судорог Примадонна недодала мне из этой уже оговоренной суммы двадцать пять тысяч долларов. Просто не заплатила. Убыток лёг на выпускающую компанию. Хотя… написал я неправильно.

Это не она не рассчиталась. Это я недополучил. Потому что она и не собиралась расставаться с деньгами, в итоге за тираж раскошеливались её друзья. И отстёгивали они столько, сколько она им сказала. По факту вместо шестидесяти пяти мне передали всего сорок. Деньги из своей кубышки выделил забавный кудрявый чел, с личиком молодого пса шарпея, зацикленный до ужаса на значимости мужской эрекции, по имени Шабтай Калманович. Про знакомство и общение с этим загадочно-сказочным персонажем как-нибудь в другой раз. А сейчас продолжим про Аллу.

Работа над юбилейным изданием требовала много усилий: много времени, долгие и трудные переговоры с подрядчиками, тщательный отбор комплектующих и материалов… Но основное – это постоянные согласования отдельных этапов работы с юбиляршей. Которую вообще не интересовали сложности. НЕ её же они, в конце концов! А челядь? Пусть старается! Персонал обязан молча пахать, и его никто не спрашивает. Работа была запущена, подрядчики готовили свои части под финальную сборку. Требовались уточнения и согласования, на которых настаивала певица.

И вдруг, когда работа близилась к финалу, наша знаменитость исчезла, отключив все каналы связи.

– Игорь, я в Дюссельдорфе. У меня гастроли по Германии. Буду здесь не меньше месяца.

Это она мне сообщила по телефону, когда мне удалось, наконец, дозвониться до «звезды» через полмесяца безуспешных попыток. Всё оказалось просто! Она уехала в длинный зарубежный гастрольный тур, даже не посчитав нужным об этом сообщить. В середине февраля, когда до дня рождения оставалось меньше двух месяцев.

– И что нам делать, Алла Борисовна? Производство столь сложного изделия – это минимум два – два с половиной месяца. До вашей даты осталось два. Едва успеем, если я напрягу всех работников по самое нёбо.

– Прилетай ко мне в Дюссельдорф, – зевнув, лениво предложила певица. – Тут и порешаем.

Конечно, она полностью права. Работает не она, платит тоже не она. И по большому счету, плевать ей было на людей, которые делали работу. Никаких обязанностей или обязательств. В её руках только право – право послать на хер. Этим правом она пользовалась с наслаждением. Очень часто.

Поскольку я являлся представителем в России от большой зарубежной компании, имел (вместе с женой) постоянные многолетние и многократные шенгенские визы, то прилететь в Германию – это просто купить билеты на самолёт. Хоть через полчаса вылет. Сказано – сделано.

И через два дня мы уже приземляемся в аэропорту Дюссельдорфа.

– Алла Борисовна приболела, – сообщил мне тихим шепотом её охранник, когда я набрал телефонный номер отеля в оговоренный час. – Звоните завтра или послезавтра, в это же время.

Какое послезавтра? У нас обратные билеты уже на следующий вечер.

На часах было около пяти пополудни. Позвонил Фире, с тревогой спросил, что случилось.

– Игорёк, – аккуратно подбирая слова, поделился деликатной инфой наш король микрофона. – Запомни два правила «удачной встречи» с моей женой. Первое: никогда не пытайся встретиться до двенадцати дня! И второе: никогда не договаривайся о встрече после шестнадцати.

– А то что? – тупо интересуюсь.

– А то… ничего, – вздыхает Фиря. – До двенадцати у неё ещё плохое настроение, а после шестнадцати может быть уже плохое настроение, и будет сложно о чём-то договариваться.

Вспомнив батарею спиртного у них на кухне в квартире в Москве на Земляном валу, начинаю, наконец, о чём-то догадываться.

– Я правильно тебя понял, Фиря?

– Правильно. Только… тс-с-с-с, не трепись ни с кем об этом.

А зачем мне трепаться? Моя задача – выполнить работу. Качественно и в срок. И заплатить за труд моим сотрудникам.

Предполагая, что у нашей звёздной певуньи за рубежом вечер может начаться намного раньше графика, решаю навестить её на следующий же день. Но с самого утра.

В десять утра мы вместе с женой (как я был прав, что поехали на встречу с ней вдвоем!) жмякали в кнопочку звонка на двери её люкса в одном из отелей Дюссельдорфа. Открыл охран-

ник, одетый почему-то в банный халат. Кстати, пока мы беседовали с великой исполнительницей, по номеру фланировал ещё один «охранник». И тоже в банном халате. Два охранника в одинаковых банных халатах внутри номера – это правильно. Это безопасно.

Охранник был удивлён столь раннему визиту, но нас впустил, видно, был предупрежден. Провёл в гостиную, пошёл выяснять. Вернулся и сообщил, что «Алла Борисовна вас скоро примет». Моя жена Оксана присела подальше в уголке, оставив меня и пустое кресло напротив рядом с журнальным столиком.

Минут через пятнадцать – двадцать к нам выкатился плохо причёсанный пухленький колобок в таком же банном халатике, с бесцветными бровками, блеклыми глазками и недовольным выражением лица.

– И что это за гадость ты приволок мне! Это ужасно, я такое не заказывала, – костерила Алла развёрнутый на полу и столике проект будущего изделия. – Я хочу, чтобы всё было золотое! И буквы золотые, и обложка золотая, и коробка из золотой ткани, – демонстрировала звезда российской эстрады свой безупречный вкус. – В конце концов, я единственная в России, кто настоящее золото! И достойна лучшего!

– Но вы же понимаете, что золото на золоте будет не ахти. И что даже прочитать будет непросто, – аккуратно и тщательно подбирая слова, возражал я.

– А мне плевать! – завелась Примадонна.

И дальше, как в известном фильме «Бриллиантовая рука», началась… непереводимая игра слов. Некоторые из них даже мне были в диковинку. И вдруг… Из угла, где сидела Оксана, раздался её негодующий, с оттенками металла, голос:

– А не охренела ли ты, коза, часом? Мой муж сделал отличную работу, оформление просто шикарное. С какой стати ты его материшь и обкладываешь?

Обалдевшая Алла мгновенно примолкла. И только захлопала ресницами. Да так, что реально был слышен стук век. Молча повернула голову в сторону моей половины, чтобы увидеть ту, которая посмела возразить.

– Хм, а может, ты и права! – впервые за разговор она выдавила из себя нормальные слова в нормальной тональности и громкости. И спросила: – А кто ты будешь?

– Жена, во-первых. А во-вторых, я дизайнер. Профессиональный.

– Так это твоя работа?

– Вместе делали, – поскромничала Оксана.

– Вообще-то, выглядит вполне прилично, – Алла включила заднюю.

Она, как я узнал впоследствии, всегда пасовала перед профессионалами, когда сталкивалась с ними. «Переть буром» наша эстрадная ослепительность умела только тогда, когда ей морально уже уступали. Оксана же смогла заткнуть хамке рот буквально одной-двумя фразами.

– Ладно, делай, как придумали, только смотри! НЕ ОПОЗДАЙ! – и она погрозила мне (уже шутливо) своим кривоватым указательным пальцем.

МЫ СМОГЛИ!

Я с моими ребятами сумел-таки сделать работу строго к пятнадцатому апреля! Это было невероятно! Одиннадцать поставщиков разных частей нашего комплекта были сведены в один календарный план поставок. Самое трудное было – успеть вовремя получить компакт-диски прямиком из Германии. Но мы впритык уложились в срок. Диски привезли с таможни поздно вечером четырнадцатого числа. Всю ночь на пятнадцатое апреля в нашем офисе шла сборка готовой продукции: диски вставлялись в красочную упаковку. Так же паковались видеокассеты и компакт-кассеты. А затем всё – в бархатный бокс и в заключительный – картонный футляр.

Уже вечером я позвонил Фире и гордо сообщил, что готовы доставить тираж к ним домой.

– Давай завтра, – попросил Ферапонт.

– Да хоть в восемь утра! – раззадорился я.

– Не-е, не в восемь. Мы с утра немного… заняты, – замялся Фиря. – Давай к часу дня, получится?

Завтра в обеденное время мои помощники, прорвавшись сквозь толпу поклонников и поклонниц, плотно перекрывших вход в подъезд, уже таскали коробки в квартиру звёздной пары. А мы с Аллой в это время начали обмывать её юбилей на кухне очень приличным коньячком из её необъятных запасов. Дама была уже в весьма благодушном состоянии. На подоконнике лежала новенькая орденская коробочка, какие-то напечатанные листы с чьими-то поздравлениями.

Оказалось, что с самого утра Алла с Фирей смотались в Кремль, где сам Борис Николаевич привесил Примадонне на левую грудь очередной орден.

Одну коробку с привезенной продукцией я развернул в кухне прямо на полу. Алла жахнула бокал до дна, подвинула опустевшую посудину в центр стола и начала разглядывать наше изделие. Очевидно было, что увиденное ей в кайф.

Я махнул помощнику рукой, тот поднёс уже заранее приготовленный нами букет из пятидесяти одной белой розы.

– Розочки с запасом, Аллочка! Чётное число ведь не дарят!

На цветы она даже не взглянула. Все вынимала и переворачивала содержимое праздничной коробки.

– Ну ладно, и так сойдёт, зачёт тебе, – скупо одобрила она нашу работу.

И когда я уже вздохнул с облегчением, вдруг добавила сварливо:

– А золота всё-таки пожалел, Игорь!

– Дизайнер запретил! – быстро нашёлся я, отыграв ей пас обратно.

– Все! Молчу-молчу, – Алла завершила разговор, а вошедший в этот момент Ферапонт, узрев принятие заказа, тут же спросил:

– Игорёк! Тебе транспорт оплатить? За доставку?

– Он сам заплатит, чай не бедный! – рыкнула Алла, держа в руке уже очередной налитый бокал, и Фиря тут же умолк.

В дверь квартиры вошёл охранник и сообщил, что к подъезду доставили какие-то деревянные доски. И их сейчас поднимают в квартиру.

– Понятия не имею. Я никакой мебели не заказывала! – озлилась Алла, не выпуская следующей уже полупустой посуды из руки.

А в коридор уже затаскивали деревяшки белого цвета, жирно обёрнутые пупырчатой пленкой. Из коридора высунулось тощее лицо мужичка средних лет:

– Уважаемая Алла Борисовна! Владимир Ильич, не тот, кхе-кхе, на которого можно подумать, а Владимир Ильич Некрасов (бывший владелец торговой сети «Арбат-Престиж». – Авт.) прислал вам в подарок рояль! Белый! Это он. Можем собрать прямо сейчас.

– Сейчас вы валите отсюда с этим роялем! Я же говорила, чтобы везли на дачу, а не в квартиру!

– Но мы уже всё занесли, а машину отпустили, – запричитал мужичок.

– Иди отсюда… с роялем! – кинула Алла. И добавила охраннику: – Проводи его, дурака. Пусть везёт на Истру. – И пригрозила: – Я проверю!

Куски рояля начали потихоньку выносить из квартиры обратно.

8. Какая ты, Алла?
Часть 2

Концерт Земфиры в «Олимпийском» для вип-гостей начинался с вип-буфета. С закуской там было всегда не ахти, зато алкоголя не жалели никогда. Сильно ужаленная вип-публика в полукоматозном состоянии растекалась по своим местам: выход из пафосного буфета открывался сразу на литерные ряды для особых гостей.

Мы с женой заняли свой ряд. Места же были сразу от выхода – так удобнее исчезнуть в любой момент действия, не привлекая внимания. Концерт начался. И буквально через минуту мои ноги в новых белых Lacoste приплющили ноги какой-то грузной женщины, пытавшейся пролезть через нас на следующие кресла. С трудом выдернул стопу, хотел заслуженно обложить, но, подняв глаза, увидел Аллу, так же, как и мы, с трудом выползшую из представительского буфета. А она наткнулась глазами на меня. И после секундной паузы:

– О! Игорёк! И ты тут! – и через секунду очень вежливо: – Оксана, здравствуйте! – это жене. – Я пройду?

– Конечно!

Алла затащила себя на свое место. И только мы вернули свои ноги в нормальное положение, на них снова наступили чьи-то мелкие ботинки и скрипящий ломкий подростковый голосок с лёгким кавказским акцентом даже не попросил, а потребовал:

– Меня, меня пустите! Мне нужно к Алле Борисовне!

– Но там же нет места!

– А вы подвиньтесь, и всё!

Дальше этот вьюнош просто протоптался по нашим с Оксаной ногам и… нахально уселся моей жене на колени! Делать было нечего, скандал затевать не хотелось, можно было, конечно, дать ему в морду, но, быстро оценив скандальный психотип недоросля, я понимал, что его визг перекроет и Земфиру. Мы с Оксаной сдвинулись на одно местечко, а эта кавказская мелочёвка начала танцы с бубнами вокруг первого номера нашей эстрады.

Так я впервые увидел человечка, с которым до этого общался по рабочим вопросам многократно, но только по телефону. Где в разговорах (а звонил мне всегда он сам) он был униженно льстив, угодлив и активно неприятен. Его внешность, манеры полностью совпадали с ранее созданным в моём воображении образом при разговорах по телефону. А звонил мне, чтобы согласовывать тексты публикаций о наших артистах в газетке «Московский комсомолец», в которой заведовал рубрикой «Звуковая дорожка». Звали этого недоноска Артур Гаспарян. О нём я тоже как-нибудь расскажу, но в другой уже раз.

* * *

И всё-таки в памяти всплыл один наш совместный праздник! Встреча Нового года в загородном доме Ферапонта и Аллы на Истре в самом начале 2000-х.

Впервые я увидел её добродушной, приветливой с прибывшими. Анализируя её поведение уже на расстоянии стольких лет, я понимаю, что вокруг был очень близкий и тесный круг общения. Среди этих людей ей не надо было прятаться за маску грубости и хамства. Возможно, где-то в глубине она и есть очень нежная, хрупкая, ранимая и тонкая натура. Неоднократно битая в общении с маскулинными персонажами как мужского, так и женского пола нашего безжалостного шоу-бизнеса. И когда-то ею был выбран такой тип поведения, спасавший её от надоедливых приставаний малознакомых людей. Кто знает?

Оставим её с её судьбой наедине. Зря, возможно, я вспомнил про человека, вокруг которого целая армия рекламщиков много лет строила грандиозную стену мифов, сплетен, историй о великости. Даже анекдоты придумывали для восхваления и непомерного возвышения. Все же помнят байку про статью в «Большой Советской Энциклопедии» про Леонида Ильича Брежнева, который, по их версии, был «мелким политическим деятелем в эпоху творчества Аллы Пугачёвой».

Да воздастся каждому по его делам и поступкам.

9. Какая ты, Алла?
Часть 3

Прошло уже несколько лет, как Ферапонт оформил развод с ненаглядной красой, с «нашим-всё» на российской эстраде. Но незаживающая рана в его душе никак не затягивалась. И при каждой встрече наш с ним разговор так или иначе заходил на обсуждение случившегося с попыткой понять и принять, наконец, этот грустный финал.

– Не понимаю, – печально признавался Ферапонт.

* * *

Очередные выборы в Государственную Думу сопровождались, как всегда, вялой перебранкой лидеров надоевших всем до оскомины хронически «оппозиционных» партий. Алла любила под вечер, прихватив из своих знатных запасов очередную бутылочку коньячку, расположиться перед телевизором и, глядя новостные блоки по центральным каналам, едко комментировать точными, часто убийственными репликами происходящее на экране.

«Последние новости» транслировали интервью с Геннадием Зюгановым, который не так давно приобрёл более пригодное для телевизора лицо, удалив со лба некрасивую бородавку.

В соседней комнате, не рядом, но совсем недалеко, примостился Ферапонт. С одной стороны, как бы и свобода. С другой – мало ли что приспичит Примадонне, а она не терпела ждать, если вдруг ей чего-то захотелось.

Итак, Алла ржёт на телевизор и жёстко комментирует происходящее. Фиря с ноутбуком, но одним ухом рядом с женой.

С надувшейся от собственной значимости бордовой мордой лица с экрана вещал привычным и знакомым утробным голосом товарищ Зю.

– Ну, каков! Хорош, красавец! – высказала Алла своё издевательское отношение к хронически второму номеру нашего высшего законодательного органа.

– Кто хорош? – недослышав, переспросил Ферапонт.

– Кто-кто, Зюганов, конечно! – раздражённо ответила звезда эстрады. – И лицом пригож, и говорит складно, – ядовито припечатала она политика.

Ферапонт так и не понял, при чём здесь Зюганов, но реплику Аллы про себя отметил.

Через несколько дней в какой-то передаче на федеральном телеканале певцу, в числе прочих, задавали вопрос о его симпатиях к конкурирующим между собой перед выборами политикам.

– А скажите, Ферапонт, – поинтересовалась ведущая, – кому вы лично симпатизируете? А ещё, может быть, вы знаете, кто интересен вашей супруге Алле Борисовне?

Фиря всегда сторонился политической тематики. Во-первых, потому что не разбирался во всей этой кухне совсем, а во-вторых, он твёрдо знал одно: лучшая в стране политическая сила – это та, что на коне и у руля. Но тут был задан вопрос не только про него самого, но и про Аллу. А её мнение могло и отличаться, и быть другим наперекор мейнстриму.

Ферапонт лихорадочно прокручивал в голове слова, складывая нейтральный ответ, но тут…

Тут он внезапно вспомнил звучную реплику Аллы перед телевизором дома несколько дней назад. И ответ, как он был уверен, правильный и выверенный, выскочил сам собой:

– Мы тут с Аллой Борисовной как раз недавно обсуждали, кто из современных политиков нам наиболее близок и симпатичен.

Ведущая, даже не рассчитывая на внятный и содержательный ответ на этот проходной и скучноватый для шоу-персон вопрос, аж подпрыгнула, услышав, встрепенулась и затаила дыхание.

А наш Ферапонт продолжал высказывать своё и жены мнение:

– И вот, увидев выступление Геннадия Андреевича, Алла Борисовна так и сказала, что он очень хороший политик! – сделав небольшую паузу, решил добавить уже от себя: – Наверное, лучший.

Телеведущая, не веря своим ушам, на всякий случай переспросила:

– Алла Борисовна? Так и сказала? Что он лучший?

– Да-да, – уверенно подтвердил Аккордов, – так и сказала, что он очень хороший!

Алла Борисовна далеко не всегда смотрела эфиры с участием мужа. Но не в этот раз. К несчастью Фири, она сидела перед телевизором, отдыхая, как обычно, смотрела на экран, когда бедный муж передал на всю страну свою интерпретацию её слов.

– Что?! – в полном бешенстве проорала в телеящик Примадонна. – Люся, немедленно свяжи меня с Ферапонтом!

Люся носом почуяла запах жареного и бросилась названивать Фире. Уж не знаю, что она ему сказала на самом деле, но через пару минут домработница Люся осторожно заглянула в гостиную и невнятно пробормотала в сторону звездной жены:

– Фиречка сказал, что уже выехал и скоро будет дома.

«Пусть сами разбираются меж собой, а моё дело – сторона», – благоразумно решила опытная домохозяйка.

Алла встретила диким ором опешившего супруга прямо у входной двери.

– Ты вообще думаешь, что говоришь, тем более от моего имени?

– А что я сказал не так? – Фиря пытался защититься, но не понимал причины бешенства.

– Что ты сказал про мои симпатии? К кому? К этому старому пердуну? Ты совсем сбрендил?

– Так ты же сама говорила, при мне говорила, что Зюганов хороший.

– Бог ты мой, Ферапонт! Ты просто кретин! Ты бы хоть вслушивался в то, что я говорю НА САМОМ ДЕЛЕ! Какой же дурак достался на мою несчастную голову!

Алла с размаху хлопнула дверью, чуть не попав мужу по носу. Ферапонт, так и не поняв причин злости супруги, недоуменно пожал плечами и уныло поплёлся к Люсе на кухню.

– Не переживай, перекуси лучше. Она отходчивая. Поругается и отойдёт. – Люся уже накладывала Фире только что испеченных оладушек. Несмотря на то что служила она до брака нашей пары у Аллы и пришла в семью вместе с ней, душа Люси лежала ближе к бедному Ферапонту.

* * *

После развода Ферапонта Аккордова и Аллы Борисовны Пугачёвой Люся, не раздумывая, ушла от Аллы Борисовны вместе с Ферапонтом.

10. Это любовь, детка!

Юра расстался со своей любовью. Не могу сказать, что внезапно, давно назревало. Но точка в отношениях почти всегда ставится неожиданно, вдруг. По крайней мере, для одной стороны. Даже и не знаю, чья была инициатива, скорее все-таки не со стороны Юры.

Самое удивительное то, что Юрикова пассия не была красавицей. От слова совсем. Была она тощая, плоская и, откровенно говоря, довольна страшненькая. Сильно страшненькая. С худющими кривоватыми ножками, обернутыми в джинсики. И ручками, больше похожими на лапки оголодавшей шимпанзе или макаки. Правда, эта её страшнота не была отталкивающая, наоборот! Она была по-своему даже мила, и признаемся, ведь почти каждому мужчине хочется хотя бы один разок в жизни переспать с обезьянкой или даже, если повезет, с… черной обезьянкой!

Вот, это был тот самый случай!

И Юра в этом зоопарке продержался года три. Даже и не знаю, что было основной причиной. То ли её гибкое женское тело с лицом почти разумного примата могло выделывать такие фокусы, которые мой друг не встречал среди других классов млекопитающих. То ли все от того, что жила девица на Рублёвке, дружила с пафосными подружками, да и сама была не последней персоной в российском шоу-бизнесе.

Не пишу её имя по двум причинам. Во-первых, побережем-таки и не запятнаем хрупкую девичью честь, а во-вторых, бывшая уже двадцать лет назад подающей большие надежды в администрировании культурно-зрелищных процессов в России, сегодня стала одним из руководителей большого телевизионного холдинга. Оставим-таки прошлую девушку Юры инкогнито, тем более что речь пойдет не о ней, а о моем дружке, которому наскучило тупое и немереное поедание алкоголя в моей квартире в центре Москвы с видом на Спасскую башню. И снова захотелось испытать нежные чувства к следующей некрасавице.

В результате шока от расставания, возникшего любовного дефицита и потребности бухать в режиме нон-стоп Юра поселился у меня. А чего? Знает, что друг не бросит в беде. И нальет, и утешит разумными словами, и спать положит на чистой постели. И жена моя не оставит его с голодом, покормит страдальца.

Итак, как уже было сказано, жил Юрик у меня больше недели. Алкоголь курьеры привозили ящиками, Юра и поглощал его в режиме доставки: привезли – заглотил. Морда стала круглая, глазки щёлочками. Бриться он бросил, картина с каждым днём становилась все более удручающая. И тут у меня в голове сверкнула молния. Была середина дня, мой дружок валялся в гостиной на диване и лениво потягивал пиво, уставившись пустым взглядом в пространство.

– Послушай, я тут перебирал своих знакомых женского пола и мне вдруг щёлкнуло! Есть! Есть среди моих знакомых твой женский идеал, Юра! Прямо копия твоей предыдущей подружки.

На этом месте я тормознул, чтобы дальше особо аккуратно выбирать слова-эпитеты.

– Она такая… хм… стройная, прямо, как ты любишь! И глаза – ровненькие, вперед торчат и уши есть, – изобразил я шутку.

Про отсутствие груди я старательно «забыл».

– Давай я попробую вас познакомить? А вдруг это судьба?

Юра повернулся и безразлично спросил:

– Она… действительно хороша? Во всем?

– Я не могу тебе сказать, хороша она или нет, я «там» не был, – снова юморнул я. – Но одно могу сказать точно: она просто копия твоей бывшей М. И что тоже прикольно, подвизается в нашей же сфере – в шоубизе – она довольно заметная певица на нашей российской эстраде.

– А кто? Я её знаю? – заинтересовался, наконец, мой потертый в муках расставания товарищ.

– Наверняка! Про ворону поет, да про каких-то тибетских лам, – аккуратно раскрыл Юре я личность кандидатки на тест-драйв его увядшей от страданий потенции.

– О, да! Видел с ней клипы. Она и правда очень классная! – возбудился мой друг. – Давай! Знакомь!

– Лады! Я сейчас подумаю, как правильно это обставить, и организую.

Для начала звоню своему доброму приятелю, её папе, папе Лёве. Объясняю ситуацию, описываю ему моего товарища в самых лучших красках, расхваливая и подчёркивая невероятные достоинства претендента. Интересуюсь, есть ли на сегодня у знойной девушки воздыхатель. И, о чудо, она свободна!

– А позвони ей сам, поговори, – предлагает папа Лёва. – А ещё лучше, если позвонит твой друг.

Юра долго мялся, стеснялся, но в итоге позвонил.

* * *

Знакомство состоялось буквально через пару дней в клубе на «Горбушке», на её же концерте. И прошло успешно. Я был бы озадачен, если бы Юра не заинтересовал нашу кандидатку. Сказав выше про «чудо, что она была свободна», я всё-таки немного слукавил. Я б сильно удивился, если бы у неё кто-то был. Хотя, не стоит никого обижать. У всех разные вкусы, разное мнение про красоту, про совместную жизнь и совместный быт. Как давно сформулировано в русской пословице: «У всякого свой вкус: кто любит дыню, кто арбуз, а кто – свиной хрящик».

* * *

Прошло несколько лет. Юра с удовольствием мотался с девушкой-красавицей по гастролям. Активно помогал в организационных вопросах. О том, как протекала их совместная жизнь, особо не рассказывал, хотя по каким-то мелким признакам у меня сложилось впечатление, что у Юры не всё так гладко.

И вдруг неожиданный вечерний звонок в дверь. Открываю, на пороге Юрик. Он снова пришёл ко мне пьяный, небритый, в нестиранной, пропахшей потом футболке и мятых, грязных, пузырящихся на коленях трениках.

– Что случилось? – спрашиваю. – Проходи, садись. Налить что-нибудь?

– Водки, стакан! – и, присев, Юра начал рассказывать: – Понимаешь, все было хорошо, но есть нюанс.

– Ха-ха! Как в анекдоте про Василь Иваныча и Петьку?

– Вроде того.

– Тогда рассказывай, я весь внимание!

– Ну, слушай. Во-первых, она отказалась переезжать от папы и настояла, чтобы мы жили все вместе в их квартире.

– Зачем? В чём прикол?

– Я и сам не понимаю. И вот представь, в квартире мы, папа Лёва, сестра и вонючая лысая кошка. Кошек я терпеть не могу, тем более такая страшная порода. Как понимаешь, кошка отвечала мне взаимностью: подранные когтями вещи, обоссанные ботинки – это было ежедневным утренним подарком. В общем, эта скотина меня не любила. И остальные члены семьи относились ко мне почему-то так же, как и кошка. В ботинки, правда, не накладывали, уже хорошо!

Юра вздохнул, отпил здоровенный глоток, сморщился, но закусывать не стал. На минуту задумался и продолжил:

– Всё время, пока я с ней жил, я испытывал непрерывное унижение.

– В чём? Объясни!

– Может быть, это выглядит смешно, но представляешь, они мне даже ключей от квартиры не давали! Я жил с ней, считай, почти четыре года. И за всё это время я ключи от входной двери даже в руках ни разу не держал!

– Бред какой-то! Как такое может быть?

– А вот может! Папа Лёва так распорядился. – И Юра залпом выпил из стакана остаток водки. – Мы вернулись вчера с гастролей. Казалось бы, ничто не предвещало, – делился грустной историей друг. – Ездили во Владимир, недалеко от Москвы. Поэтому мы с моей любимой поехали на моей машине. И выступила она неплохо. Как всегда. И народ принимал на ура. Но на обратном пути у неё испортилось настроение.

– Может, просто месячные? – выдал я шутливую версию, стараясь поднять Юре дух.

– Не знаю, кто её разберет! В общем, приехали, легли спать, ссориться мы не ссорились, но атмосфера в доме была наэлектризована. Я правда не понимаю причины! – последние слова друг почти выкрикнул, а на его глазах я увидел совершенно искренние слёзы.

Выпив изрядно водки, Юра заметно «поплыл». Его рассказ стал менее связным, время от времени прерывался вставками историй из их совместной жизни. И по его словам, он совершенно не понимал случившегося.

На следующий день, как он поведал, ему с самого утра нужно было поехать в автосервис, машина требовала обслуживания после длинной дороги. Юра оделся попроще и провёл на сервисе полдня, до самого обеда, и сам активно участвуя в ремонте. Усталый, но довольный подъехал к дому. Поднялся на этаж, ткнул в дверной звонок и… тишина. Даже не так, а вот так: Т И Ш И Н А.

Совершенно неправдоподобная история. За все годы, что он жил со своей избранницей, в квартире всегда кто-то оставался. Не было ни разу, чтобы дом был пуст. Юра звонил снова и снова, поначалу предположив, что его треньканье могли не услышать. Но нет, пусто!

Юра набрал ей на мобильный и долго ждал ответа. После десятка гудков, наконец, услышал знакомый голос.

– Я пришёл домой, а никого нет. Как бы мне зайти?

– Я занята, – услышал он удивительный ответ, после которого пошли гудки отбоя.

Обалдевший Юра вышел из ступора только минут через пять и снова набрал привычный номер. В этот раз на его звонок ответили довольно быстро, но с той стороны он услышал голос папы Лёвы.

– Ну что ты хочешь? – папа Лёва довольно искренне изобразил недовольство. – Тебе же сказали, мы ЗАНЯТЫ! Ещё не меньше получаса.

И снова тут же отключился.

Юрик стоял у знакомой двери. За нею было то, что ему было нужно немедленно и нестерпимо: ванная и туалет. Но он знал взрывной характер папы Лёвы и присел на приступочку около лифта.

Ровно через полчаса решился набрать номер ещё раз. И на удивление его краса ответила на звонок почти сразу.

– Мы ещё не закончили, но, если тебе так срочно надо, можешь подойти к нам, – предложила.

– К нам – это куда?

– Мы сидим в ресторане, во втором зале, – и она называет заведение в соседнем доме!

– Я из сервиса, одет не совсем для ресторана, – сомневается Юра.

– Так тебе же надо, ты и иди! – с таким категоричным ответом звонок снова был сброшен.

И Юра пошёл, шлёпая по тротуару разбитыми кроссовками и хлюпая по коленям старыми трениками, стараясь не обращать внимания на косые недоумённые взгляды идущих рядом людей.

Когда он вошёл в ресторан и нашёл глазами столик со знакомыми лицами, его изумлению не было предела. На столе стоял начатый десерт, а вокруг собралась вся семейка. Даже домработница с кошачьей переноской на коленях занимала за столом место. Для Юры ни стула, ни места не было! То есть все дела, которыми отговаривалась его подруга, было обычное семейное застолье по неизвестному поводу. Никто не встал, не порадовался его появлению, не предложил ни присесть, ни угоститься. Да и Юре было не до того.

– Мне бы домой попасть, хочется помыться. Да и в сортир, – не стал вникать в раскладку мой товарищ.

– Сейчас доедим и соберёмся домой, – сухо отозвался папа Лёва.

– Но мне бы сейчас, – попросил Юра.

– Вон в конце зала сортир, сходи и подожди нас где-нибудь. Есть вокруг свободные места, выбери любой столик, – папа Лёва театральным жестом поводил рукой вокруг себя. – Подожди нас, когда будем готовы двинуться домой, и тебя возьмём с собой.

– ?!

Папа Лёва произнёс обыденным тоном, каким отдают распоряжение прислуге. Прислуге проштрафившейся, которой недовольны, которую уже готовы выгнать, но пока ещё не решили, когда именно.

– Я очень хочу помыться, да и одежду поменять, – ещё на что-то надеялся Юра.

И он внезапно поймал на себе взгляд той, которой искренне отдавал себя всего последние четыре года. Взгляд жёсткий, неприятный, с непонятной злобой. И в унисон её взгляду был голос папы Лёвы:

– Доча! Чего он тут выпрашивает у тебя? Может, просто послать его на фиг?

Юрик остолбенел.

– Он меня уже задолбал, – продолжил родитель безжалостно выдавать решение дочери. – Раз ты не понимаешь, иди-как ты, дружок, куда я тебя отправил.

И махнул рукой, подзывая официанта, чтобы он исполнил роль вышибалы и Юре помогли исчезнуть.

* * *

– То есть, дорогой мой, ты пришёл ко мне – туда, куда тебя послали? – я снова пытаюсь обыграть шуткой, стараясь хоть как-то приподнять упавшее ниже плинтуса состояние моего дружка.

Эту ночь Юра провёл на привычном для него месте в моей квартире, на диване в гостиной, в обнимку с начатой бутылкой. А назавтра поковылял в «последний бой» за своими вещами. Надеялся, что при их передаче удастся перекинуться хоть словом и понять, что же произошло. Не удалось! Его вещи неряшливо валялись прямо у подъезда, на улице! Хорошо, хоть не было дождя, да и украсть ничего не успели.

* * *

Наша нескладно-угловатая «дорогуша» продолжает поскрипывать на эстраде про какую-то ворону. Нового в её репертуаре практически ничего нет. Она повздорила со своим именитым продюсером, и он перестал наполнять её концерты своими работами. Жаль, потому что лишь он, как никто другой, глубоко понимал, как вдохнуть искру в это малоплодородное место.

И разбудить интерес зрителя. Минуло столько лет, а в её программе лишь его песни пользуются реальным спросом и постоянно заказываются «на бис».

А что наш Юра?

В этот раз он довольно быстро завершил борьбу с депрессией. Вспомнил про какую-то свою старо-прежнюю девицу-красавицу из прошлой жизни. Неожиданно она согласилась войти в эту реку второй раз. Ну что же, пусть дальше гребут вместе. Хоть и редко, но такое случается.

11. Дашенькина доченька

Позвонил Фиря. Как всегда, торопящимся голосом:

– Игорек, это я, Ферапонт! Узнаешь?

– Дорогой! Тебя не узнать невозможно!

– Послушай! Даша просила сделать ей такой же альбом, как ты сделал мне! «Мышь». Чтобы был такой же крутой и красивый. Ты можешь ей помочь? Ей нужно срочно. Сделай, как друга прошу!

– Фиренька, дорогой! Конечно же, смогу! Я и круче смогу!

– Стоп! А вот круче как раз и не надо! Ты меня понял, Игорь? Круче, чем у меня, НЕ НАДО! А так же – пожалуйста…

Несколько лет подряд у Даши гастрольным администратором работал Валера Пономаренко. Жуликоватый, с хохляцкими ухватками и редкостной необязательностью. Я всегда доверял людям, даже откровенным жуликам, надеясь, что моя порядочность вызовет у них ответную реакцию и стремление ответить тем же. С Валерой этот номер не сработал. Такого человека порядочностью пронять было просто невозможно.

Внешне он удивительно напоминал Сашхена из фильма «12 стульев», но по уровню вороватой беспредельности был на два порядка выше. Однако убедился я в этом в другой раз, через пару лет, когда мы с ним делали российское турне Криса Нормана, певца и музыканта группы Smokie. Валера «нагрел» меня на этом проекте на фантастическую сумму.

Дело было в 2003 году. И прячется он от меня до сих пор…

Проект, в котором меня уговорил работать Аккордов, назывался, кажется «Цветок чайный» или «Чайный цветок». Названия уже не помню, много их было…

Даша мне понравилась. Во-первых, я имею слабость к женской груди. Если вижу достойную витрину, слабеют ножки, деревенеют яички, мысли отлетают от меня на такое расстояние, откуда уже не могут помешать неизбежному процессу.

Даша была хороша и знала об этом. Сразу скажу, что у нас ничего не было и быть не могло. Я знаком с её мужем, замечательным парнем, большим специалистом по нефтедобыче, владению и сдаче в аренду всего лишь одного погонного метра нефтепровода Витей Захаровым. И мне в голову бы не пришло что-либо крамольное.

Но мечтать…

Ну а почему бы и не помечтать, правда?

Даша попросила сделать комбинированный альбом, содержащий одновременно видеотрек и аудиодорожки на одном компакт-диске.

Подробно все перипетии этого проекта я опишу в каком-нибудь рассказе. Но по теме моих воспоминаний прямо сейчас.

Мы писались на студии звукозаписывающей компании «Студия СОЮЗ», в Карачарово.

Приехал поздно, под самое завершение работы. Дописывали последние треки. В темноте, в коридоре перед студией, я услышал неровное сбивчивое дыхание. И хлюпающие звуки, не дающие никаких сомнений в их происхождении. Включаю свет, вижу в углу потного Валеру с расстёгнутыми штанами и девицу с фантастическими формами. Вот правда! Реально Памела Андерсон, а-ля рюс! Личиком, правда, попроще.

Вся её «Памела» вывалилась из блузки наружу и отчаянно слепила мне глаза.

Я совершенно обалдел от картины, а девица, задорно поглядывая на меня, не торопилась прибрать свое хозяйство.

Я тупо спросил у Валеры:

– Ну как запись?

– Пишем, – сказал Валера, застегивая штаны.

– Мама уже заканчивает, – добавила девица, аккуратно распределяя безупречные формы в футляры.

– Ты бы хоть познакомил нас, Валера, – потребовал я, рассчитывая тоже в дальнейшем осмотреть богатство.

– Лиля, – произнес Валера и добавил: – Дашенькина дочка.

…Так я познакомился с дочерью Даши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.